

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

Приражденные
аферисты

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Зверев, Сергей Иванович.
3-43 Прирожденные аферисты / Сергей Зверев. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-205317-7

Конец 1960-х годов. В Москве действует шайка профессиональных аферистов. С мастерством настоящих актеров они занимаются «относительно честным отъемом денег у населения», выдавая себя то за чиновников Госплана, то за снабженцев крупных предприятий. Жертвами преступлений становятся нечистые на руку представители Кавказа и Средней Азии. Поимка аферистов поручена старшему инспектору МУРа Владимиру Маслову. Вскоре он выходит на след главаря шайки по кличке Король. В уголовном розыске уже готов план операции по захвату банды, и все пошло бы как по маслу, но... обманутые кавказцы вдруг объявили Короля своим кровным врагом и начали мстить мошенникам.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205317-7

© Зверев С.И., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ГЛАВА 1

— Он был настоящий коммунист... И у меня перехватило дыхание, когда я поняла, что Василия Ивановича больше нет с нами. Что черные воды навсегда сомкнулись над ним... Он... Он... Он был как отец. Он был учитель...

Статная худощавая женщина с величавой осанкой вытащила из кармана пиджака военного покроя белоснежный платок, промокнула выступившие слезы. Всклипнула. Но тут же взяла себя в руки. Гордо выпрямилась. И ее глаза сверкнули неистово и пламенно.

— Скажи мне отдать за него все самое дорогое, даже жизнь, — отдала бы не задумываясь. Но ничего не изменишь. Поэтому всё, что мы можем, — это быть достойными наших героев. Ударно трудиться. Крепить оборону. И знать: наш станок, наш рабочий инструмент — это оружие в борьбе! В нашей общей борьбе за светлое будущее! За коммунизм!

Завороженные искренностью речи и правильными словами собравшиеся в зале помолчали несколько секунд. А потом послышались громовые аплодисменты. Сидящие в президиуме партторг ткацкой фабрики и директор хлопали с не меньшим энтузиазмом, чем рабочие и инженеры.

В прошлом году на экраны страны вышел потрясающий всех советских людей звуковой фильм «Чапаев». Не только дети, но и взрослые ходили на сеансы десятки раз. Артисты, игравшие главные роли, тут же сделались кумирами миллионов. Фильм быстро растащили на цитаты, ставшие народными. Советским людям наглядно напомнили о горячих битвах Гражданской войны, когда, не щадя жизни, приходилось защищать новую жизнь. О том, что самой своей жизнью первая в мире страна освобожденного труда обязана таким героям, как Чапаев, образ которого был блестяще воплощен в фильме Борисом Бабочкиным.

И нужно ли говорить, какие чувства вызвало у работников Леденевской ткацкой фабрики известие, что в город прибыла та самая оставшаяся в живых Анка-пулеметчица, которую в картине сыграла Варвара Мясникова. И что 29 сентября 1935 года встреча с ней состоится в фабричном клубе.

Конечно, никого зазывать не пришлось. Свободных мест не было — все проходы были заставлены принесенными из заводуправления стульями. Кому не досталось мест, стояли вдоль стен, толпились в дверях. И все слушали как завороженные.

Анка-пулеметчица не подвела. Ярко, красочно она доносила до собравшихся эпизоды великих битв, свои впечатления от встреч с легендарными героями. Рассказывала о своей нелегкой судьбе простой крестьянской девушки, которую ветры перемен бросили в самое горнило истории. О долге перед партией и Родиной. И получалось у нее все не казенно, а душевно и искренне. Так что некоторые женщины-ткачихи аж прослезились.

ПРИРОЖДЕННЫЕ АФЕРИСТЫ

Когда она закончила свой героический рассказ, ее завалили цветами.

— Спасибо, дорогие мои товарищи! Чувствую себя оперной дивой, — пошутила Анка, принимая букеты собранных с любовью в окрестностях цветов.

После окончания выступления ее обступили восторженные люди. Задавали вопросы. Даже протягивали открытки с портретами артистов фильма и просили автограф.

— Все, нашей гостье пора отдохнуть, — прервал затянувшееся общение с народом директор фабрики. — Пройдемте, Анна Ивановна, у нас уже накрыт ужин...

И Анка в сопровождении директора и парторга прошла за трибуну. Оттуда вела дверь в узкий коридорчик.

— Позвольте выразить свое восхищение, — произнес несколько старорежимно, но искренне парторг. — Как же хорошо, что вы приехали к нам. Времена ныне нелегкие. Индустриализация требует напряжения всех сил. И сейчас трудящимся как никогда раньше нужны герои, которым хочется подражать. Особенно такие очаровательные, как вы.

— Что я? Лишь девчонка, которой повезло стоять в боях рядом с титанами революции, — вздохнула Анка. И глаза ее опять увлажнились.

— Стол накрыт. Потом в гостиницу, там вам выделили самый лучший номер, — расписывал дальнейшую программу парторг, когда они с черного хода спускались по занесенным осенними листьями ступеням клуба.

На ступенях Анка на миг замерла, увидев молодого веснушчатого парня в пиджаке с комсомольским значком, галифе, начищенных хромовых сапогах и клет-

чатой кепке. Под мышкой он держал кожаную папку. Глаза паренька смотрели на нее внимательно, с иронией — так обычно родители смотрят на расшалившихся детей.

Анка, не слушая парторга, на деревянных ногах спустилась по ступенькам. Она молилась Богу, чтобы вывезла ее нелегкая.

Не вывезла. Молодой человек целеустремленно направился к ней и очень вежливо произнес:

— Здравствуйте, Мария Илизаровна. А я с Ленинграда все за вами гоняюсь. Вот и встретились.

— Вы обознались, — высокомерно, с прорезавшимися барскими интонациями бросила женщина.

— Да что вы? — широко улыбнулся парень.

Парторг попытался оттеснить его.

— Сержант госбезопасности Никифоров, — посуrowел парень, продемонстрировав удостоверение оперативного уполномоченного НКВД.

Парторг при виде удостоверения сразу сдулся, но, еще не до конца осознав происходящее, сказал:

— Вы все же что-то напутали. Это Анна Ивановна, героиня Гражданской войны, соратница самого Чапаева.

— Героиня — это да. Но только другой пьесы. — Улыбка сержанта стала еще шире. — Что же вы одна работаете? А куда Петьку подевали?

Женщина презрительно скривила губы.

— Ну что же, пошли. И без глупостей, — сержант махнул рукой.

Подкатил дребезжащий «Форд» с брезентовым верхом.

— Домчим с ветерком, — приглашая в машину и все так же приветливо продолжая улыбаться, произнес чекист.

Эту ночь Мария Илизаровна Перпедюлина-Савойская провела в одиночной камере в местной милиции. А потом отбыла в город Ленинград, на свидание со следователем и целым сейфом уголовных дел, где она фигурировала в качестве подозреваемой.

Муж задержанной, Тудор Савойский, в это время в подмосковном колхозе выдавая себя за племянника наркома земледелия Михаила Чернова, думал, как лучше растрясти колхозную кассу под видом организации закупки необходимой сельхозтехники и потребительских товаров. Чтобы рассеять подозрения тех, кто сомневался в его высоком происхождении и возможностях, он демонстрировал трость с надписью «Слава ВКПБ», которую, с его слов, подарил ему лично всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин.

На допросе Мария Илизаровна Перпедюлина-Савойская таиться не стала и поведала как о своих, так и о мужниных проделках. Аргумент у чекистов против нее лично был настолько весомый, что ему трудно что-то противопоставить — очень уж ее дело тянуло на дискредитацию советской власти, а это смертельно опасно. В двадцатые годы ей приходилось изображать дочку члена Политбюро ЦК Бухарина, она попалась и отделалась легким испугом. Но сейчас времена были куда более суровые.

Мужа ее вскоре тоже взяли. А сама мошенница в камере строчила чистосердечные признания, делая упор на то, что корысть не была ее основным мотивом. Просто она хотела донести до трудящихся все величие по-

двигов наших людей в Гражданскую войну. Напомнить о народных героях, пусть и таким способом.

Спасло ее то, что все слушатели, которые присутствовали на ее гастроях по заводам и фабрикам, городам и весям, говорили о положительном идеологическом эффекте — очень уж задорно и красиво агитировала она за советскую власть.

На суде мошенница делала упор на то, что у нее ребенок семи лет от роду и что она, навсегда покончив с преступным промыслом, сделает все, чтобы из сына получился достойный гражданин СССР.

К мошенникам и мелким ворах тогда отношение у Фемиды было снисходительное, поэтому Мария Илизаровна получила всего два года лишения свободы, которые без особого напряжения провела на одной из строек народного хозяйства. Освободилась досрочно за хорошее поведение.

Мужу дали четыре года, и он затерялся где-то на гулаговских просторах. Вроде был жив и искупал трудом свою вину.

А Мария Илизаровна после отсидки уехала в Днепропетровскую область, где в ветхом домике доживала свой век ее тетка, бывшая госпожа-надзирательница Смольного института благородных девиц.

Имея за плечами женскую гимназию, Мария Илизаровна устроилась работать в библиотеку. Она частично сдержала данное советскому суду слово и закончила с громкими гастроями. Но от старых привычек полностью избавиться не смогла и втихаря подрабатывала то торговлей поддельными золотыми изделиями, то мелким обманом обывателей. Работала осторожно, боялась

попасться и получить срок по всей строгости, но деньги и хорошая еда в доме не переводились.

В одиночку ей приходилось растить сына — Лилиана, смышленного бойкого мальчишку с хитрыми-прехитрыми глазенками. Учился он хорошо, был смекалист — истинный сын своих родителей.

Однажды Лилиану вручили деньги на покупку школьных принадлежностей, которые собирали всем классом, — пионерское задание ему такое дали сдуру. А что — мальчик бойкий, искренний и такой симпатичный. Деньги он зажал, заявив, что их отобрали бандиты с железными фиксами. При этом так красочно и убедительно все расписал, что ему поверили не только учителя, но и милиционеры, приложившие немало усилий, чтобы найти выродков, обидевших пионера.

Мария Илизаровна, только глянув в честные глаза сынули, сразу все поняла и, с нескрываемым интересом рассматривая его, заключила:

— Да, сын, с голоду тебе умереть не грозит.

Было Лилиану Савойскому тогда от роду одиннадцать годков.

ГЛАВА 2

Давид Айратян лежал в кустах, боясь дышать. Сердце ухало в его груди, и казалось, что его дыхание и сердечный стук разносятся по всем горам.

Руки вспотели. На лбу тоже выступил пот, хотя майское утро 1969 года выдалось прохладным. Он крепко сжимал охотничье ружье. Еще недавно оно казалось ему грозным оружием, которым, как крупнокалиберной пушкой, он разнесет врага на мелкие кусочки. Сейчас

же, видя перед собой пространства гор, деревья, извивающуюся узкую тропинку, парящих в вышине орлов, он со своей двустволкой ощущал себя маленьким и беспомощным. И это его сильно удручало. Еще недавно он думал, что является львом. А на деле оказался зайцем.

Больше всего ему хотелось сейчас отползти отсюда и незаметно, неслышно двинуть домой. Но это невозможно. Потому что тогда ему придется бежать из дома — ведь такого позора он не выдержит.

Давид перевел дыхание, перекрестился, едва слышно прошептал себе под нос старую армянскую охранительную молитву. И сразу полегчало. Нервозность немножко отступила. И он крепче сжал ружье. Никакая это не игрушка. Если попадет картечью — мало не покажется.

Он осторожно переполз чуть в сторону, чтобы лучше видеть тропинку. Где-то там, метрах в ста впереди, замаскировался Баграм. Уж он-то наверняка ничего не боится. Ему сорок лет, и он повидал немало. Он сделает все дело, а на Давида опять будет смотреть как на несмышленного мальчишку.

Давид горестно вздохнул. Мысли о неурядицах и постоянно задеваемом болезненным самолюбии притупили его внимание, и он едва не прошляпил нужный момент.

Он вздрогнул, когда различил справа от себя движение. Пригнулся, будто желая кротом ввинтиться в землю да там и переждать момент. И замер, опять боясь лишний раз вздохнуть.

По тропинке шел человек.

Сапоги, телогрейка, кепка — смотрелся он обычно. Высокий, с рюкзаком за спиной. Сперва Давид подумал — а вдруг не он. Но, присмотревшись, по хромоте,

которую не могли скрыть осторожные плавные коша-
чи движения человека, понял — это Ибрагим по клич-
ке Лесничий.

Сглотнув комок в горле, Давид ощутил, как мерзкий
холодок пополз по позвоночнику. О сверхъестествен-
ном чутье Лесничего, его нечеловеческой ловкости и
меткости ходили легенды. И Давиду мерещилось, что
его уже увидели. И сейчас произойдет что-то страшное.
Ружье опять казалось игрушечным, стреляющим не
картечью, а бумажными шариками.

«Как же грохочет сердце, — подумал Давид. — Лес-
ничий сейчас меня обнаружит!»

Но Ибрагим продолжал беззаботно шагать по тро-
пинке. Его ладонь лежала на висевшем на плече авто-
мате с круглым диском — это был старенький надеж-
ный ППШ времен войны.

Ибрагим приближался. Шел по-хозяйски, нетороп-
ливо. И даже насвистывал под нос брагурный мотив-
чик, похоже, немецкий — его бывших хозяев. Он был
уже в возрасте, но походка легкая, силы этому человеку
не занимать. И он не ощущал опасности. Значит, раз-
говоры о его колдовском чутье не более чем слухи.

Неожиданно что-то неуловимо изменилось в поход-
ке человека. Внешне картинка та же, но Давид готов
был поклясться, что теперь это только игра.

Черт, неужели он все же почувствовал их!..

Нет, все-таки показалось. Лесничий продолжал свой
путь как ни в чем не бывало и вскоре должен был под-
ставиться под выстрел ждущего его в засаде Баграма.

Мгновение — и Лесничий оборачивается. Припав на
колени, уже вскидывает свой ППШ.

Две короткие очереди по кустам. В ответ — крик.

Это в кустах заорал благим матом Баграм. Его достали пули!

— Выходи! — по-русски прокричал Лесничий, укрывшись за пирамидой камней, сваленных здесь кем-то в незапамятные времена. — Тогда, может, не убью дурака!

Давид переместился чуть в сторону. И спрятался за валуном в половину его роста.

Из кустов послышался стон. И Лесничий, выглянув из укрытия, дал еще одну короткую очередь.

Не было сомнений, что он добьет Баграма.

— Что делать? — спрашивал себя Давид. Лежать, забыв честь и достоинство? Позволить убить своего родного дядю? Это нехорошо! Но еще хуже лезть под пули. Лесничий почти пропал из его поля зрения. Если стрелять в него, нужно проползти метра два. Проще спрятаться — и будь что будет!

Ох, как же трудно делать что-то, когда делать не хочется. Но внезапно на Давида снизошло отрезвление. Он ясно осознал, что сейчас решается простой вопрос — мужчина он или овца?

И нехотя, будто прыгая в холодную горную речку, он пополз вперед.

Лесничий услышал его. И, резко обернувшись, послал очередь.

Пули смертельно пропели совсем рядом с Давидом. Или, может, пронзили его, но он не заметил? И жизнь сейчас уходит из него?

Нет, вроде цел. Пора решаться!

И Давид сделал самый отчаянный поступок в своей жизни. Он резко поднялся. Встал во весь рост. И тут

ПРИРОЖДЕННЫЕ АФЕРИСТЫ

же выстрелил в маячившую у камня фигуру. Прямо из двух стволов!

У него был один шанс. Перезарядить ружье ему не позволят.

Давид не верил в этот шанс. Он приготовился умереть. Умереть как мужчина.

Но умер Лесничий. Картечь настигла его. Он уткнулся лицом в землю, продолжая сжимать автомат.

Давид упал на землю. Пролежал минуты три-четыре, еще не веря в спасение. Было тихо. Только билось сердце, да где-то в кустах стонал Баграм.

Осторожно перезарядив ружье, Давид приподнялся и, согнувшись, направился вперед. Он держал на мушке уже не дергающееся тело Лесничего, под которым растеклась лужа крови. Неужели все? Вот так просто: нажатие на спуск — и проклятого Ибрагима не стало? Разве могло это случиться так просто? Разве мог это сделать он, Давид?

Он приблизился к телу и понял — Лесничий и правда мертв. Окончательно и бесповоротно. Картечь разворотила ему бок и шею. С такими ранами не живут.

Перекривившись от отвращения, Давид нагнулся над телом. Вырвал из цепких мертвых пальцев автомат и гордо повесил на плечо. А потом закричал:

— Баграм, ты жив?

— Ой, Давидик. Помоги! Он достал меня!

— Я убил его!

— Вижу. Иначе он убил бы тебя! Помоги!

Баграм лежал в кустах. Одна пуля процарапала ему кожу на голове. Другая пробила навывлет плечо.

— Кость не перебита, — выдавил стонущий Баграм. — Но хорошего мало. Кровью истеку.

Неумело оказав первую помощь своему дяде, Давид помог ему подняться и опереться о свое плечо. Баграм обладал борцовской комплекцией и был очень тяжел. Они побрели прочь, даже не попытавшись сокрыть мертвое тело. Это же Лесничий, гроза окрестностей, головная боль всей милиции и КГБ. Кому нужно разбираться в его смерти? Жил, как безродный пес, и умер так же...

До дома Айратяны добрались только ночью. Первое в жизни убийство нисколько не взволновало Давида. Раскаяния он не ощущал. Гордости тоже. Было немножко стыдно за свой страх, но тоже как-то блекло. Чувства выгорели. Возможно, они вернутся завтра, так что завтра и будем думать. А сегодня им владела только страшная усталость.

Давид провалился в тяжелый сон.

На следующий день был семейный совет. Давида усадили на почетном месте на террасе каменного двухэтажного дома, являвшегося родовым гнездом семьи Айратянов.

Баграм, весь перевязанный — голова, плечо, ослабевший, все же нашел в себе силы выйти на совет. И без утайки рассказал, как все было.

Сидящий во главе стола дедушка Варуджан, высокий, все еще могучий, которому всегда принадлежало первое и последнее слово, торжественно возвестил:

— Вчера был важный день. Мы сняли груз с нашей совести. Мы убили бешеного зверя. И выполнили свой долг.

Мужчины кивнули.

Десять лет семья пытались посчитаться с проклятым Ибрагимом. Но он был неуловим. Это был настоящий

абрек, из тех, о которых так любят на Кавказе слагать легенды, но при ближайшем рассмотрении оказывающихся дикими зверьми. Лесничий поганил своими нечестивыми деяниями Кавказские горы двадцать семь лет. Поговаривают, во время войны он прислуживал немецким диверсантам. Когда фашистов погнали в шею, он с несколькими своими соратниками бандитствовал в Грузии, где нажил немало кровников. Оставшись один, переполз в Армению. Грабил. Убивал. Поговаривали, что он имел родственников и знакомых среди милиции и властей, делал для них грязную работу — это Кавказ, тут все сложно, и годы советской власти не смогли полностью сменить традиционный уклад. Десять лет назад он убил Вартана и Нану Айратянов. По-подлому, за какие-то жалкие вещи и деньги. И семья посчитала, что у нее неоплаченный долг.

Все эти годы Айратяны искали его. Пару раз он был почти в их руках, но ушел. И вот им шепнули знающие люди, где он может появиться. Организовал засаду Баграм — главный боец семьи, бесстрашный, обученный владеть оружием. Взять он мог на дело священной мести любого, но взял Давида, сказав:

— Ему уже двадцать один год. Пришла пора доказать, что он мужчина.

Этот выбор родственники не особо одобрили, но спорить не стали. И так получилось, что именно Давид нанес решающий удар.

— Ты стал мужчиной. Настоящим, — заключил deduшка Варуджан. — И тебе пора уже заняться делом.

Давид в радостном ожидании посмотрел на сурового старейшину их семьи. Сейчас тот скажет что-то важное и судьбоносное.

— Баграм будет лечиться... А твой дядя Ашот, — кивнул дедушка в сторону пузатенького, лет сорока кавказца с пышными усами, компенсирующими отсутствие волос на блестящей лысине, — должен ехать в Россию по нашим делам. Ты будешь его сопровождать. И учиться вести его дела. Отныне это и твое дело.

Сердце у Давида екнуло. И забилося радостно.

Лучшей награды он не ждал. Ведь цех по производству товаров для отдыха — это их семейное предприятие. Это настоящие деньги. Это высокое положение.

— Спасибо, — взволнованно произнес Давид. — Я не подведу...

ГЛАВА 3

Из динамиков радиоприемника, висящего на стене кабинета, послышался бодрый голос диктора:

«Говорит «Маяк». Московское время 12 часов 30 минут. Сегодня 16 мая 1969 года. Передаем последние новости.

Советская межпланетная станция «Венера-5» достигла второй планеты от Солнца и вошла в ее атмосферу. Бортовая аппаратура отработала в штатном режиме...

Президент США Никсон выступил с предложением одновременного вывода с территории Южного Вьетнама американских войск, войск союзников и вооруженных формирований Северного Вьетнама...»

Старший инспектор Московского уголовного розыска Владимир Маслов посмотрел на циферблат своих наручных часов и подвел время. Часы «Восток» отставали на минуту-другую в сутки. Купил он их, польстившись на современный вид и светящиеся в темноте стрелки.

А вот старая «Ракета», приобретенная в 1961 году после полета Гагарина, которую он отдал недавно своему племяннику, шла идеально — можно сказать, как часы.

В дверь постучали. Зашел конвоир в синей милицейской форме, которую в ближайшее время в соответствии с вышедшим позавчера приказом министра внутренних дел СССР заменят на темно-серую.

— Товарищ майор, следственно-арестованный Аптекман доставлен, — отчеканил конвоир.

— Заводите, — кивнул Маслов.

В комнату ввели подследственного.

— Моисей Абрамович, — старший инспектор указал гостю на стул, — вы представить не можете всей грандиозности моего счастья от нашей неожиданной встречи.

— Ой, Владимир Валерьевич, — склонил голову Аптекман и чинно уселся на стул. — Если ваша радость хотя бы наполовину такого же масштаба, как моя, тогда это действительно нечто особенное. Знаете, как трудно сейчас найти понимающего человека. Я ценю наши милые беседы.

Старый матерый мошенник Моисей Аптекман по кличке Хинин (это такое жутко горькое лекарство против малярии) родом был из Одессы — жемчужины у моря. Маслов тоже считал себя одесситом — лучшие детские годы провел там, сроднился с прекрасным городом, впитав его специфический юмор и говорок. Так что тридцатидвухлетний, рослый, похожий на бурого медведя старший инспектор и убеленный благородными сединами, профессорской внешности, всегда гладко выбритый семидесятилетний вор действительно получали удовольствие от этих разговоров.

Маслов приготовил чай, выложил бутерброды. У них сложился ритуал общения — сначала чай и беседа за жизнь, а потом уже низкие материи, описываемые статьями Уголовного кодекса.

— Вы еще молоды, Владимир. А я помню такие времена, когда воры носили фраки. — Аптекман отхлебнул чай, и глаза его ностальгически затуманились.

— Вы что, с детства занимались экспроприацией денежных излишков?

— А чем еще заняться сыну бедного одесского сапожника, когда вокруг столько человеческой глупости? О, вы еще не знаете, какие я знавал времена! Каким человеком я был!

— Каким?

— Я был и героем-аэронавтом. И внуком Дзержинского.

— Это как же?

— У нас всегда бумажка была важнее человека. И я умел делать эти бумажки. Вы не поверите, какие я давал гастроли. Как в провинции меня носили на руках благодарные зрители. Читали «Золотой теленок»? Очень реалистичное произведение. Про нас. Профессиональных артистов самодеятельной сцены.

— Это когда такое было?

— Двадцатые и тридцатые годы. Они прошли на творческом подъеме, Владимир Валерьевич. Какие были постановки! Какие типажи!

Маслов обожал подобные разговоры с такими вот осколками прошлого, как Аптекман. Мир поворачивался другими гранями. И история страны выглядела совершенно по-иному, гораздо более объемно.